

№ 8; Т. 155. № 9; *Брикнер А.Г.* Путешествие императрицы Екатерины II-й в Крым // Исторический вестник. 1885. Т. 21. С. 5–23, 242–264, 444–509; *Митрофанов П.П.* Политическая деятельность Иосифа II, ее сторонники и ее враги 1780–1790. СПб., 1907; *Бессарабова Н.В.* Иосиф II и Екатерина II в путешествиях по России // Немцы в России: Российско-немецкий диалог. СПб., 2001; *Петрова М.А.* Переписка Екатерины II и Иосифа II как исторический источник // Источниковедческие исследования: Сб. ст. М., 2004. Вып. 2. С. 167–194.

³ *Петрова М.А.* Екатерина II и Иосиф II. Формирование российско-австрийского союза 1780–1790. М., 2011.

⁴ *Molnár J.* Magyar Könyvtár. VIII. sz. 100–101; Kalatay Ferencz (Xaver) // *Szinnyei J.* Magyar írók élete és munkái. 5. kötet. Budapest, 1897. 814–815. old.

⁵ См.: *Szinnyei J.* Magyar írók élete és munkái. 815. old.

⁶ *Ponori Thewrewk M.* Franciscus Xaverius Kalataynak, Praepost' Báró Rewiczky Urhoz, Löwenbergből datalt és küldött Levele; mellyben, néhai b.e. II. József Császár' és Király' 1780 Eszendőbéli, Muszka Országba tett útazását írja // *Tudományos Gyűjtemény.* Pest, 1823. X. köt. 27–36. old.

⁷ См.: *Szinnyei J.* Magyar írók élete és munkái. 815. old.

⁸ *Kaposvári Gy.* Útinapló II. József császár Kijev–Moszkva–Leningrád-i [sic!] utazásáról // *Jászkunság.* 1959 (március). 5. évf. 1. sz. 36–39. old.

⁹ Ibid. 39. old.

DOI 10.31168/2619-0869.2018.1.3.3

А. А. Леонтьева

К вопросу о праве владения оружием христианами Османской империи (на материалах наследственных описей г. Софии в XVIII — начале XIX вв.)*

В Османской империи право носить оружие имели лишь лица, состоявшие на государственной службе, курьеры губернаторов и других крупных чиновников; во время разъездов они имели при себе саблю или пистолет, иногда сабля заменялась ятаганом. Однако, по воспоминаниям секретаря российского генерального консула в Смирне в 1830-х гг., оружие в империи было достаточно распространено: «По-

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-59-18002 Болг_a.

сколькo оружие разрешено иметь в дороге, погонщики, все находящиеся в пути, а иногда и земледельцы, идущие на работу, могут быть вооружены. Самое употребительное оружие в народе — ятаган и пистолеты. Кинжалов нигде не видно; иногда за поясом носят большой нож, который необходим для каждого, так как за столом ножи не подают. Люди почтенные имеют только саблю, иногда пистолеты за поясом. Ружье в дороге несет за ними слуга»¹.

В наследственных протоколах кадийских судов оружие, как огнестрельное, так и холодное, упоминается часто. Источник позволяет определить время появления и распространения в болгарских землях тех или иных его видов, стоимость и назначение, а также сравнить условия владения оружием мусульманами и христианами.

Упоминание оружия в наследственных протоколах мусульман встречается чаще, чем в протоколах христиан. Это можно объяснить тем, что, по законам шариата, неверным, живущим на завоеванных мусульманами землях, носить оружие было запрещено². Коренным образом ситуация изменилась, когда в ходе так называемой «Кырджалийской смуты» (1779–1813 гг.) простому населению, в том числе немусульманам, было впервые разрешено иметь оружие для самозащиты, поскольку официальные власти были не в состоянии противостоять разбойникам. По оценкам болгарских историков, это разрешение способствовало росту самоорганизации среди болгар — впервые за несколько столетий османской власти болгары, обладая оружием, получили возможность самостоятельно обороняться³.

Предметы вооружения, упомянутые в наследственных описях жителей г. Софии, разнообразны. Среди холодного оружия это различные виды сабель, ятаганы, реже кинжалы. Из огнестрельного оружия известны пистолеты, ружья и «пушки» — оружие для охоты. В описях имущества христиан холодное оружие не упоминается: они владели только ружьями и пистолетами.

Впервые пистолет, принадлежащий вопреки официальному запрету, христианину, упомянут в протоколе о наслед-

стве плотника Стефана (1731 г.)⁴. Он оценен в 45 акче, и эта цена невелика: так, в 60 акче оценены пять старых подушек, в 15 акче — топор. Всего опись имущества Стефана содержит 15 пунктов (включая дом и набор плотницких инструментов) общей стоимостью 4755 акче.

Целый арсенал огнестрельного оружия представлен в наследственном протоколе суконщика Йована (1798 г.)⁵, в нем числятся три пистолета общей стоимостью 10 курушей, три ружья — 15 курушей и «ружье и мелочи» — один куруш. «Мелочи» нередко встречаются в описях имущества — под этим словом подразумеваются несущественные предметы, перечислять и оценивать каждый из которых по отдельности, как считали составители, нецелесообразно.

В наследственном протоколе священника Анастаса (1790 г.) упомянуты две пары пистолетов общей стоимостью восемь курушей⁶. Такая цена за четыре пистолета невелика, а Анастас — единственный священник, в описи имущества которого присутствует оружие. Он производит впечатление достаточно состоятельного человека: в описи его имущества присутствуют собрание книг, золотые украшения, множество серебряных изделий.

Огнестрельное оружие, принадлежавшее мусульманам, более разнообразно; пистолеты и ружья в их протоколах нередко богато декорированы, украшены серебром и, несомненно, являются статусной вещью. С середины XVIII в. дорогое оружие все чаще упоминается в наследственных протоколах.

Серебряные пистолеты упомянуты в наследственной описи Эссеида Мехмеда Ага (1750 г.)⁷. Он был богат — наряду с огромным числом ценных вещей, ему принадлежали две пары серебряных пистолетов с кобурой, стоимостью 1800 и 4800 акче, что дорого для того времени и сопоставимо со стоимостью небольшого дома.

Еще одна пара посеребренных пистолетов с кобурой стоимостью в 60 курушей (7200 акче) и пистолеты английского производства за 100 курушей (12000 акче) упомянуты в наследственной описи 1809 г. Элхаджа Мустафы Ага⁸. Этот

человек также был состоятелен — помимо этих пистолетов из оружия ему принадлежали: «длинное ружье» за 50 курушей, «два других ружья — 20 курушей», посеребрённый патронташ за 30 курушей, и несколько сабель, в том числе посеребрённых. Кроме того, в этом протоколе упомянута некая пушка-фылынта* — вид короткоствольного охотничьего ружья.

Следует отметить, что первое упоминание ружья-фылынта в наследственных описях относится к 1762 г; ее обладателем был Чолак Осман Беше⁹. В его наследственном протоколе данное охотничье ружье оценено в 660 акче, то есть дороже, чем несколько сабель (161 и 120 акче), пара пистолетов (631 акче) и ружье (161 акче).

Со временем ружья-фылынта встречается в наследственных описях все чаще, и цена его становится ниже. Изначально само обладание этим видом оружия можно считать одним из показателей высокого статуса ее владельца. Позднее в наследственных протоколах богатых людей начинают появляться пушки-фылынта с золотой отделкой¹⁰.

К началу XIX в. чаще упоминаются также посеребрённые пистолеты и ружья, оружие с рукоятками, декорированными золотом, серебром и перламутром.

Холодное оружие фигурирует практически в каждом документе, посвященном рассмотрению наследства мусульман. Чаще всего встречаются различные виды сабель, являвшихся самым дешевым оружием — ими владели даже бедные горожане. Нередко в документах они фиксируются с определением «старая» и стоят дешево. Так, в наследстве брадобрея Абди (1814 г.)¹¹, который судя по документу, был небогатым человеком, упомянуто две старых сабли общей стоимостью всего в два куруша и 21 парá. Комплект пистолетов в этом протоколе оценивается в 24 куруша, упомянутый также ятаган — в 56 курушей.

Ятаган — клинковое холодное оружие, клинок которого имеет двойной изгиб, позволяющий наносить режущий

* от англ. flint — кремь, flint-lock — кремневое ружье.

и колющий удары. Их массовое производство в Османской империи относится к периоду не ранее второй половины XVIII в.¹² В наследственных описях жителей Софии ятаганы встречаются относительно редко и появляются только в XIX в. Первое упоминание их относится к 1814 г. — в протоколе сапожника Хасана¹³, довольно состоятельного человека, ятаган оценен в 23 куруша (для сравнения пистолет в кобуре оценен в 16 курушей). Также к 1814 г. относятся еще три упоминания ятаганов. Их владельцы различны по социальному положению, а стоимость варьируется от семи до 56 курушей.

Реже всего из холодного оружия в наследственных описях фигурирует гаддаре — турецкая сабля XVII в. с малоизогнутым широким и тонким клинком¹⁴. Этот вид оружия упоминается в наследственных описях всего дважды — в 1750 и 1809 гг. В обоих случаях его хозяевами являются очень богатые люди. Так, в 1750 г. гаддаре упомянуто в наследственном протоколе сияхдара Эссеида Мехмеда Ага, общее состояние которого составляло 1 395 256 акче¹⁵. Собрание оружия этого человека роскошно: помимо уже перечисленного, в протоколе упомянуты дамасская сабля с серебряной вставкой, несколько пар посеребренных пистолетов, дорогая конская упряжь, ружья.

Таким образом оружие было неотъемлемой частью жизни мусульманского населения Софии. Упоминание различных его видов практически в каждой имущественной описи вне зависимости от финансового состояния покойного, его социального статуса и рода занятий контрастирует с практически полным отсутствием оружия у христианского населения города. Нельзя не заметить, что если среди мусульман самым распространенным оружием является сабля, то в наследственных протоколах христиан холодное оружие не упоминается вообще, чаще всего из оружия встречается пистолет. Можно заключить, что если для мусульман оружие в XVIII–XIX вв. в большой степени воспринималось как элемент престижа и неотъемлемая часть культуры, то у христиан, будучи редкостью, оружие в первую очередь слу-

жило по прямому назначению. Также стоит отметить, что вопреки официальному запрету на ношение оружия, владение им фиксировалось в наследственных описях — то есть официальных османских документах, что говорит об относительной условности этого запрета. При этом, несмотря на официальное разрешение со стороны османских властей на ношение христианами оружия, роста его числа в христианской среде в конце XVIII в. не наблюдается. Это позволяет сделать вывод, что тенденция к росту числа вооружения у населения в период Кърджалийской смуты не коснулась крупных городов в столь значительной мере, как в сельских поселениях, о чем пишут исследователи¹⁶.

Примечания

¹ Цит. по: *Аствацатурян Э.Г.* Турецкое оружие в собрании Государственного исторического музея. М., 2002. С. 35.

² *Гиргас В.* Права христиан на Востоке по мусульманским законам. СПб, 1865. С. 35.

³ *Мутафчиева В.* Кърджалийско време // *В. Мутафчиева.* Избрани произведения. Т. 2. Пловдив, 2008. С. 412–421.

⁴ ТИБИ. Т. 6. С. 27–28.

⁵ Там же. С. 133–135.

⁶ Там же. С. 119–120.

⁷ Там же. С. 51–56.

⁸ Там же. С. 149–153.

⁹ Там же. С. 79–87.

¹⁰ Там же. С. 184–191.

¹¹ Там же. С. 191–192.

¹² *Аствацатурян Э.Г.* Турецкое оружие... С. 134.

¹³ ТИБИ. Т. 6. С. 179–183.

¹⁴ *Аствацатурян Э.Г.* Турецкое оружие... С. 332.

¹⁵ ТИБИ. Т. 6. С. 51–56.

¹⁶ *Лори Б.* Разсъждения върху историческите мит «Пет века ни клада» // Историческо бъдеще. 1997. № 1. С. 92–99; *Мутафчиева В.* Кърджалийско време; *она же.* Някои разсъждения относно разсъжденията на Бернар Лори върху историческия мит «Пет века ни клада» // Историческо бъдеще, 1997, № 2. С. 75–81.